

Дробижева Леокадия Михайловна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
drobizheva@yandex.ru

Турбулентность в этнополитическом дискурсе и этническая идентичность в общероссийских и региональных исследованиях³⁶⁸

Аннотация. В статье анализируется политика идентичности в Российской Федерации, стратегия на деполитизацию этнической идентичности, изменения в доктринальных документах, обеспечивающих баланс между общероссийской идентичностью, укреплением единства русского народа (русской нации) и сохранением культур и языков народов Российской Федерации. Вместе с тем на материалах репрезентативных общероссийских опросов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения и Института социологии ФНИСЦ РАН показано устойчивое сохранение этнической идентичности, изменения в сильной этнической идентичности в российском и региональном измерении в зависимости от социально-культурного контекста в стране, республиках и областях.

Ключевые слова: этнополитический дискурс; турбулентность дискурса этнополитики; этничность; этническая идентичность; российская идентичность

Drobizheva Leokadiya Mikhailovna
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
drobizheva@yandex.ru

Turbulence in ethno-political discourse and ethnic identity in all-Russian and regional surveys³⁶⁹

Abstract. The article analyzes the identity policy in the Russian Federation, as well as the strategy for depoliticization of ethnic identity and changes in doctrinal documents that ensure a balance between the all-Russian identity, strengthening the unity of the Russian people (the Russian nation) and preserving cultures and languages of the peoples of the Russian Federation. However, the article shows the persistence of ethnic identity on the basis of the representative all-Russian surveys of The Russian Federation Longitudinal Monitoring Survey – «Higher School of Economics» and the Institute of sociology of FCTAS RAS. Changes in strong ethnic identity in the national and regional dimensions, depending on the socio-cultural context in the country as a whole, republics and regions are also shown.

Keywords: ethno-political discourse; turbulence of the ethno-political discourse; ethnicity, ethnic identity; Russian identity

Важнейшими доктринальными документами, ориентирующими политику в сфере межэтнических отношений в нашей стране в 2018–2020 гг. были «Стратегия

³⁶⁸ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

³⁶⁹ The article was funded by RFBR, project number 20-011-00241.

государственной национальной политики на период до 2025 года» с изменениями и дополнениями, внесенными Указом Президента РФ 06.12.2018 г. и Поправки в Конституцию 1993 г., которые будут голосоваться на референдуме 1 июля 2020 г.

«Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года» в 2012 году была документом, созданным на основе консенсусных решений. В ней содержались принципы Конституции 1993 г. и вместе с тем, учитывались идеи, высказанные в предвыборной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» (01.02.2012).

В Конституции были записаны «права и свободы человека», «гражданский мир и согласие», незыблемость демократической основы российского государства, «ответственность за свою родину», источником власти в Российской Федерации, говорится в Конституции, является её многонациональный народ (ст. 3 п.1). Понятие «народ» в Конституции имеет двойной смысл: народ как этнокультурная общность и как согражданство.

Начиная с концепции государственной национальной политики 1996 г. и принятия закона о национально-культурной автономии деполитизация этничности все время внедрялась в общественную практику на институциональном уровне. И даже министерство по делам национальностей было ликвидировано. Создали Министерство регионального развития и затем Федеральное агентство по делам национальностей.

В 2012 г. при подготовке Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. вставал вопрос об изменении названия самой Стратегии. Ведь уже тогда в российской науке существовало мнение о россиянах как о политической нации. Стратегия принималась в отношении народов, а называлась и называется национальной политикой. Оставалось только проинтерпретировать её как политику нации, но так её не воспринимали ни те, от имени кого она создавалась, ни те, кому она предназначалась. В тексте Стратегии самые большие споры, связанные как раз с деполитизацией этничности, были в отношении сохранения формулировки из преамбулы Конституции 1993 г. о многонациональном народе (русской нации). На сохранении этой формулировки настаивали представители республик, которые не хотели отказываться от определения себя как нации, воспринимая это как потерю статуса, который был у них по русской и республиканским конституциям. В самом же тексте Стратегии упоминалось о федерализме, но в направлениях политики говорилось о культуре, языке, правах личности, но не народов (за исключением коренных малочисленных народов). Тренд к деполитизации этничности имел место, но коренного поворота не было.

Обсуждение изменений и дополнений к Стратегии 2012 г. в 2018 г. сводилось по сути к тем же принципиальным вопросам. Продвижение к модернизации выразилось в том, что были даны понятия, использованные в Стратегии, в том числе, русская нация, государственная национальная политика, общероссийская гражданская

идентичность (гражданское самосознание). Все они давались в современном понимании, соответствующем отечественной и мировой науке. Редакция текста шла в направлении обращения политики к людям, к человеку, концентрации внимания на отношении государства и общества.

Новое испытание политики деполитизации этничности прошло при обсуждении поправок к Конституции 1993 г. в январе-марте 2020 г. На заседании рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию 27 января 2020 г. В. А. Никонов внес предложение в преамбуле заменить «многонациональный народ» на «многонародную российскую нацию». «В современной науке, в политической практике, международной практике слово «нация» – это нация государства», – убеждал В. А. Никонов. Тем не менее, понятия «гражданская нация», «нация государства» в поправки в Конституцию 1993 г. внесены не были. Наоборот, можно было наблюдать усиление политизации понятия народ. 3 февраля 2020 г. К. Затулин предложил в рабочей группе по подготовке предложений в Конституцию внести в её преамбулу формулировку «мы русские, в союзе с другими братскими народами, сплотившиеся в многонациональный народ (не нацию, а народ) (*прим. автора*) Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле». Аргумент депутата был в том, что слово «русский» упоминается только в ст. 68 гл 3, где говорится о государственном языке [Депутат Затулин внес поправку...].

В преамбулу и эта поправка не вошла. Но в 68 статье п. 1 была внесена поправка, в которой говорилось, что «государственным языком Российской Федерации является русский язык, как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». В этой формулировке от политизации этничности не удалось уйти. Государствообразующий народ употребляется в этнокультурном значении, т.к. далее говорится, что он входит в многонациональный союз равноправных народов. То есть, можно понять, что с одной стороны, русские, как и другие народы, есть нация в этнокультурном значении. А с другой стороны, русские – государствообразующий народ, то есть ему придан особый политический статус. И таким образом, можно понимать, что государство создают не просто все граждане.

Менялся язык нашей науки, мы чаще писали не «этнические группы», «общности», а «этничность», не «идентичность», а «идентификация», «категоризация», «самопонимание», связанность. Но на практике-то люди говорили иным языком. Понятия – «народ», «нация» (в этническом значении), «этническая общность» не ушли из повседневного языка как русского большинства, так и людей других национальностей. В Конституции РФ 1993 г. не было слова национальная республика, но в политической практике это понятие использовали как в центре, так и тем более от этого понятия не хотели отказаться в республиках. В такой ситуации

исследователь стоит не просто перед сложным выбором той или другой теории, но и политической, социальной практикой.

При выборе теорий важно опираться на знания реальной жизненной практики. Каждая научная дисциплина вносит свой вклад в её изучение. Можно понять этнологов, которые с горечью пишут о кризисе в антропологии, примеряя на себя западные оценки состояния науки [Commaroff, 2011; Тишков, 2020], и их, может быть, досаду от того, что помимо социально-культурной антропологии, в которую В. А. Тишков хотел бы переименовать этнологию [Тишков, 2020] есть этносоциология (она появилась раньше, на рубеже 60–70-ых годов)³⁷⁰, этнопсихология, этнополитика, этнодемография, этноэкология, этнопедагогика и еще 17 субдисциплин. Каждая из них имеет свой предмет, методы и ищет свои теоретические подходы.

Конструктивизм теперь общая парадигма социальных наук, в той или иной мере разделяется большинством социологов, этнологов, этнополитологов. Ответвлением конструктивизма является инструментализм, в котором особое значение придается пониманию этничности как процесса, в котором могут быть заинтересованы определенные группы, власть, лидеры. С точки зрения содержания ему придается в современных условиях особое значение, так как возможная смена этничности – «дрейф этничности» или её ослабление. Еще в 70-ые годы эту идею развивал английский этносоциолог Г. Абрамсон [Abramson, 1976]. При таких подходах пересматривалось формационное деление на племена народности нации.

Есть аргументы логического характера, в отношении возможности, пределов конструктивистского подхода. Тексты могут читать все и слышать о каких-то идеях, видеть символы – флаги, гербы и т.д., но соответствующие воображения и представления появляются не у всех, а лишь у тех, кто обладает сходным жизненным опытом. Пределы в конструировании этничности ограничиваются инерционностью массовых представлений об этническом, а для кого-то национальном (в значении этнического). Собственно, это признавалось самими создателями концепции конструктивизма. Т. Лукман пояснял: формируемые представления это – конструкция конструкторов [Интервью с профессором..., 2001: 9], то есть, из того, к чему есть готовность в сознании людей.

В поддержку конструктивистскому взгляду на этничность вышла книга Брубейкера «Этничность без групп» [Брубейкер, 2012], переведенная в России в 2012 г. и ставшая очень популярной среди этносоциологов, социальных антропологов, этнологов, философов. Она была направлена на необходимость избегать приписывания группизма. Идеологами, выступавшими от лица национальностей, антигруппизм, естественно, мог интерпретироваться как подрыв солидарности. Но учеными идея

³⁷⁰Ее не все, в том числе С Соколовский, находят в зарубежных словарях этот термин, но известны работы: [Abramson, 1976] 9; [Goetze, 1984] и др.

воспринималась довольно естественно. С конца 90-ых, анализируя эмпирический материал, этносоциологи учитывали идеи Д. Хандельмана относительно различения этнических категорий, этнических сетей, ассоциаций и общин [Handelman, 1977; Социальное неравенство этнических групп ..., 2002], учитывали возможность номинальной, категориальной или ассоциативной этнической идентичности. Но и при таком подходе, с учетом идей Брубейкера этничность не эфемерна. «Общественная жизнь, – признает Брубейкер, – повсюду, хотя и неравномерно, структурирована по этническим линиям, и этничность встречается в различных повседневных обстоятельствах... и выражается не только в политических проектах и националистической риторике, но и в повседневных столкновениях, практических категориях, линиях здравого смысла, культурных идиомах... дискурсивных фреймах, организационных сетях и институциональных формах» [Брубейкер, 2012: 15–16].

В научном пространстве из такого турбулентного состояния выйти можно. Этносоциология, тоже претерпев изменения, превращалась больше в социологию межэтнических отношений – отраслевую дисциплину социологии [Дробижева, 2018], по традиции сохраняя свое название. Труднее каждому исследователю и научному направлению выйти из искушений теорий, идеологий и политической практики, сохранив личное достоинство и выдержав принцип «не навреди». Путеводным ориентиром в этом может быть завет наших учителей: функция социологии – это знание, понимание, просвещение.

На протяжении 2000-ых годов пока ученые, старающиеся удержаться на уровне современной науки, реже употребляли понятия этнические группы, этнические общности и переходили на употребление термина этничность, судя по общероссийским опросам, этническая идентичность оставалась устойчивой.

Эмпирической базой для изучения массового сознания были результаты общероссийских социологических опросов по базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения – RLMS-HSE³⁷¹ и проекта Института социологии ФНИСЦ РАН – «Динамика трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018)³⁷² (далее ИС ФНИСЦ РАН).

Как показывает динамика опросов, этническая этничность даже несколько выросла (см. Рисунок 1).

³⁷¹ RLMS-HSE выборка 15 000. (118 респондентов в 39 регионах РФ) <http://www.hse.ru/rhms>

³⁷² Рук. Проекта ак. М.К Горшков

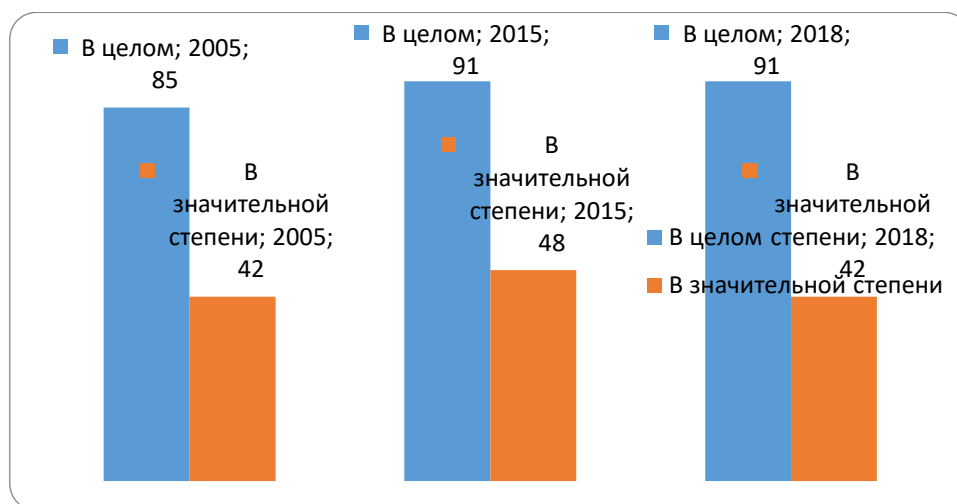

Рисунок 1. Динамика этнической идентичности

Выбор ответа «Мы – люди той же национальности» на вопрос «О ком Вы можете сказать «Это мы»?», в % к опрошенным в 2005, 2015, 2018 г. по данным RLMS-HSE.

Она выросла меньше, чем российская идентичность за эти годы – на 6 п.п. (в сравнении с российской, которая выросла на 14 п.п.), но больше, чем идентификация людей по профессии, по возрасту, которые практически не изменились (на 1–2 п.п.). Была некоторая актуализация этнической идентификации и её рост в 2015 г. как следствие подъема этнических чувств в период воссоединения Крыма.

Не снижалась этническая солидаризация. Причем согласие с мнением «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», среди русских мало отличалось от людей других национальностей по общероссийским опросам см. Рисунок 2.

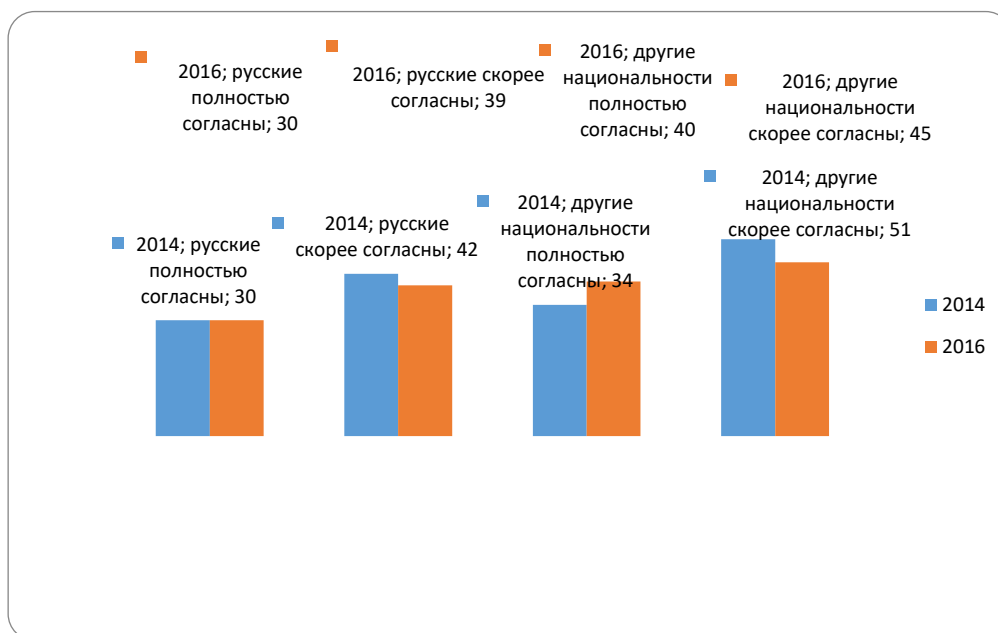

Рисунок 2. Этническая солидарность у русских и людей других национальностей в 2014 и 2016 гг. Степень согласия с суждением «В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», в % к опрошенным по данным проекта ИС ФНИСЦ РАН.

Среди русских установки этнической солидарности в 2014–2016 гг. были на уровне 72–85 %, а у людей других национальностей 69–95 %. В 2018 г. среди русских солидарные установки были у 79–81 % [Двадцать пять лет ..., 2018: 206], а у людей других национальностей 70–87 %. То есть, несколько ослабли, но были широко распространенными.

В республиках и областях этническая идентичность была мало отличающейся. У народов, дающих название республике, она была не менее 80–95 %, а сильную связь мы фиксировали у 67–79 %, например, якутов, татар. И чем сильнее этническая идентичность была у народов, дающих название республикам, тем сильнее она была у русских в этих субъектах федерации, например, в 2013–2017 годах у русских она была выше 70 % в Татарстане, 49 % в Башкортостане и около 41 % русских в Саха (Якутии).

Наши специальные исследования этнической идентичности показывали, что она у большинства не была конфронтационной российской идентичности. В 2015 г. 91 % респондентов, которые соглашались с мнением «я никогда не забываю о своей национальности» и «человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» одновременно ассоциировали себя с гражданами России [Российское общество..., 2015: 186]. Но в условиях ощущения опасности этническая солидарность становится мобилизирующим триггером. В 2017 г. 38 % россиян в той или иной мере были согласны с тем, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». Заметных изменений за 2000-ые годы в этом не было – 41 %, так думали наши респонденты и в 2011 г. Различий между русскими и людьми других национальностей по общероссийским опросам не было. Несколько меньше такое мнение разделяли молодые люди – 33 % (среди тех, кто старше 60 лет – 42 %). Практически столько же – 38 % соглашались с мнением «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и различий по этничности в этих радикальных представлениях не было.

Как уже говорилось, влиятельные ученые уводили от группизма. Мы все чаще использовали термин этничность вместо этнической общности, группы, переименовывали институты из Института этнографии в Институт этнологии, в доктринальных документах и в политической практике ввели национально-культурные объединения, автономии, ослабляя преференции российских республик, этничность сводили всеми средствами к культурной отличительности, но этничность оставалась и была в маятниковом режиме. Она оставалась наполненной этническими чувствами, которые поддерживали заинтересованность в поддержании статусных позиций, в уважении к достоинству людей той или иной этничности (национальности).

Амбивалентность в политических решениях, которые балансируют между деполитизацией этничности, сохранением культур, языков и интересами русского большинства, объясняет сохранение порой противоречивых установок и в массовом сознании россиян. Какой-то позитивный выход мог бы быть найден через дальнейшее укрепление гражданской идентичности, активизацию сознания россиян как гражданского общества. Но активисты, часто с либеральных позиций, трактуют

этничность в нем как архаику. Они вспоминают о ней только тогда, когда им нужно мобилизовать этнические чувства для получения большинства голосов на выборах или как триггера протестных настроений. Так что турбулентность в дискурсе деполитизации этничности это, скорее всего, наша длительная перспектива.

И надежды остаются на баланс инерционных представлений в этнической идентичности и укрепления гражданской идентичностью российского народа

Библиографический список

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 408 с. ISBN: 978–5–7598–0973–9.

В рабочей группе по Конституции предложили заменить «многонациональный народ» на «многонародную российскую нацию» [Электронный ресурс] // Электронная газета «Бизнес ONLINE» [веб-сайт]. 27.01.2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/455166> (дата обращения: 15.05.2020).

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2018. 384 с. ISBN 978–5–7777–0722–2.

Депутат Затулин внес поправку о русских в преамбулу Конституции [Электронный ресурс] // Официальная страница депутата Государственной Думы РФ К. Затулина [веб-сайт]. URL: <https://zatulin.ru/deputat-zatulin-vnyos-popravku-o-russkix-v-preambulu-konstitucii> (дата обращения: 15.05.2020).

Дробижева Л. М. Этносоциология: от пограничной области исследований к отрасли социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 17–29. ISSN 0132- 1625 (print).

Интервью с профессором Т. Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4(16). С. 6–14. ISSN 1029–8053 (печатная версия).

Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. – М.: Весь Мир, 2015. 432 с. ISBN 978- 5- 7777- 0604–1.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. 480 с. ISBN 5–87444–062– 3.

Тишков В. А. «Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе» // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 73–97. ISSN 0869–5415.

Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. 216 p.

Harold J. Abramson On the Sociology of Ethnicity and Social Change: A Model of Rootedness and Rootlessness // Economic and Social Review. 1976. Vol. 8. № 1. P. 43–59

Commaroff J. The end of anthropology, again: on the future of an in/ discipline // The end of anthropology? / Ed. by Holgen Jebens and Karl-Heinz Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing. 2011. P. 81–112.

Goetze D., Muehlfeld C. Ethnosoziologie. Teubner, Stuttgart, 1984. 326 p.

Handelman D. The organization of the ethnicity // Ethnic Groups. 1977. Vol. 1. P. 187- 200.